18+

Юрий Юрьев

НЕПРЕДВИДЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИЛИ

МЕСТЬ ШАМАНА

Юрий Юрьев

Непредвиденные последствия, или Месть шамана

https://litres.ru/73312893
ISBN 9785006926424

Аннотация

Богатый и эксцентричный бизнесмен, имеющий собственную оранжерею с коллекцией растений-хищников, задумывает вырастить не просто небывалое растение, а настоящего монстра. Приобретя редкий экземпляр непентеса, он приглашает к себе на работу гастролирующего в его городе экстрасенса. За приличное вознаграждение тот берется воплотить мечту работодателя. Все шло хорошо, пока экстрасенс не узнал страшную тайну непентеса. С этого момента эксперимент пошел вовсе не так, как планировал хозяин оранжереи.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 65

Непредвиденные последствия, или Месть шамана

Юрий Харлампиевич Юрьев

Все персонажи книги, географические названия и события — выдумка автора и не имеют ничего общего с реальной жизнью.

Дизайнер обложки Анна Александровна Скрипаль

© Юрий Харлампиевич Юрьев, 2026
© Анна Александровна Скрипаль, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0069-2642-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Июль 2019 года

Ярко-красное летнее солнце клонилось к закату, но на безлюдных улицах города Новопруднинска ещё было очень

жарко. Нагретый неподвижный воздух казался густым, как овсяный кисель. Любому, кто по какой-либо надобности оказывался в это время за пределами своей квартиры, казалось, что он попал в огромную жаровню, наполненную этой самой тягучей и вязкой субстанцией. За день под неутомимыми лучами небесного светила всё вокруг накалялось, словно в печи, а затем ещё долго отдавало своё тепло окружающему пространству. Растительность, которая продолжительное время не видела дождя, всё больше приобретала мрачный серовато-зелёный оттенок. Покрытые городской пылью трава и листья деревьев, в отсутствие малейшего ветерка, замерли, будто в оцепенении, ожидая наступления сумерек, а затем и ночи. Однако даже долгожданная ночь не давала природе желаемого облегчения, так как жара спадала очень медленно. Асфальт и кирпичные стены домов, не успев остыть, вновь начинали раскаляться с появлением первых солнечных лучей.

Григорий Михайлович Капустин, круглолицый крупный мужчина тридцати восьми лет, остановился в тени раскидистого ясеня. То, что это был именно ясень, а не клён или какое-нибудь другое дерево, натренированный ум мужчины определил практически инстинктивно. За последнее время ему пришлось просмотреть довольно много материалов, связанных с многообразным растительным миром планеты, и он достаточно хорошо научился во всём этом разбираться. А ведь ни ботаника, ни биология, ни вообще что-либо связан-

ное с растениями до некоторых пор Григория Михайловича нисколько не интересовали. И если ещё год назад он вряд ли бы смог по внешнему виду отличить баобаб от груши, то теперь с первого взгляда безошибочно определял название любого дерева или кустарника, произрастающего в Новопруднинске. Листья ясеня, чем-то напоминающие листья пальмы в миниатюре, как и листва большинства других деревьев, поблёкли и едва заметно сморщились. Без воды ни одно растение, каким бы крепким и мощным оно ни было, не в силах противостоять установившейся жаркой погоде, если, конечно, оно не было завезено из далёкой знойной Африки. Но такие экзотические виды имелись, разве что в оранжерее, в которой Капустин и работал последние несколько месяцев.

Около минуты мужчина стоял в тени, просто восстанавливая дыхание. Из-за непривычно быстрой ходьбы оно стало тяжёлым и даже, пожалуй, болезненным. Кроме раскалённого воздуха, в котором, казалось, кислорода осталось даже меньше, чем на вершинах самых высоких гор, в проблему с дыханием свою лепту вносил ещё и многолетний стаж курильщика. Григорий Михайлович попытался сделать глотательное движение, но во рту не оказалось даже капли слюны. Вся влага из его организма в виде пота выступила на теле и на бритой наголо голове. Его светлая футболка с большой красно-чёрной надписью на груди «Моя территория — мои правила» была почти насквозь мокрой от пота. Достав из кармана светлых льняных брюк носовой платок и пачку Gold Mill,

Капустин бросил тоскливый взгляд на сигареты. За целый день он успел выкурить всего две штуки, и то это было ещё утром. Курить на работе, согласно контракту, было строго запрещено. Из-за этих ограничений Григорий Михайлович практически завязал с этой нездоровой привычкой, да только события последних дней, заставили вновь взяться за старое. Да и как было не закурить, когда на твоих глазах происходило такое…

Сейчас побаловать себя сигареткой, чтобы хоть немного успокоить разболтавшиеся нервы, Капустину тоже было некогда — нужно было торопиться. День заканчивался, и время неумолимо убегало.

Сунув сигареты назад в карман, Григорий Михайлович торопливо вытер пот с лица, после чего промокнул вспотевшую лысину. Всю жизнь у него были густые тёмные волосы, которые доставляли немало хлопот парикмахерам. Но с тех пор, как они начали седеть, а произошло это уже несколько лет назад, мужчина предпочитал брить голову наголо. Бросив настороженный беглый взгляд на безлюдную улицу, Капустин небрежно сунул платок в карман и, вскинув перед собой теперь уже левую руку, взглянул на синий циферблат наручных часов Wenger. Это, конечно, был не Rolex, но тоже довольно известный в Швейцарии бренд. Сам бы он никогда не решился потратить двадцать тысяч на эту безделушку, тем более что время всегда можно было посмотреть на мобильнике. Григория Михайловича никогда не интересовали

всякие житейские мелочи, поэтому и часы, и многие другие необходимые вещи последнее время ему покупала Вероника.

Мужчина недовольно насупил густые чёрные брови и, больше уже не останавливаясь, быстро, насколько позволяло здоровье, зашагал дальше. Во что бы то ни стало, он хотел попасть сегодня на какой-нибудь вечерний поезд, а ведь ещё нужно было успеть собраться, доехать до вокзала и купить билет. Сегодня Капустина устроило бы любое направление, так как возвращаться на родину к своим престарелым родителям он не хотел. Привыкнув к свободной, практически кочевой жизни, Григорий Михайлович понятия не имел, чем смог бы заниматься в маленькой деревушке с неброским названием Малые Углы, затерявшейся на окраине Тверской области. Отец артиста, Михаил Захарович, в своё время так и не смог привить своему единственному сыну любовь к сельской жизни. Поэтому младший Капустин, с раннего возраста обнаруживший у себя необычный дар, как только появилась возможность, тут же сбежал из деревни в город. Родителей он, конечно, не забывал. Регулярно отсылал денежные переводы, иногда навещал лично, помогая как мог по хозяйству… Но его визиты никогда не затягивались более чем на два-три дня.

Значит, Малые Углы отпадали однозначно, а вот о том, куда именно податься, Григорий Михайлович ещё не задумывался. Ведь окончательное решение уехать подальше из

этого проклятого города у него созрело только к концу рабочего дня. Поэтому теперь и приходилось всё делать быстро, что для его грузной фигуры с выпирающим животиком было весьма затруднительно.

За несколько месяцев до описываемых событий

— Что-то ты сегодня был не в ударе, — обратилась к Капустину Вероника Самохина, входя в дверь гримёрной. Это была ярко накрашенная блондинка тридцати семи лет с вьющимися волосами чуть ниже плеч. Её вряд ли можно было назвать красавицей, но из-за умения правильно себя подавать, на сцене женщина выглядела очень эффектно.

У Григория, выступающего со своей небольшой иллюзионной программой в разных городах России, Вероника была не только бессменным импресарио, но и помощницей во время исполнения его волшебных трюков. Так получилось, и это, в принципе, было вполне закономерно, что с некоторых пор они стали жить вместе как муж и жена. Сначала это было способом сэкономить на номере в гостинице, а затем они прониклись взаимной симпатией…

— Для этой деревни и так сойдёт, — не оборачиваясь, буркнул Капустин, расслабленно откинувшись на спинку стула.

Он бросил взгляд на сигареты, которые лежали на столе, но курить не стал. Вероника не переносила сигаретного

дыма, а их небольшая гримёрка, расположенная в подвальном помещении концертного комплекса, в котором они сегодня выступали, не была оснащена вентиляцией. Одной рукой Григорий расстегнул пуговицы своего чёрного сценического фрака, а другой — швырнул галстук-бабочку на полупустой гримёрный столик. Облегчённо вздохнув, Капустин бросил взгляд на стройную женскую фигурку в облегающем чёрном платье, отражающуюся в большом зеркале, висевшем на стене. Длина концертного туалета Вероники, сшитого из материала, напоминающего змеиную чешую, вполне позволяла искушённому зрителю оценить длину и стройность её ног в чёрных колготках и серебристых туфлях на высокой шпильке.

— Ну почему же деревня? Бывали города и похуже Новопруднинска, — без энтузиазма возразила женщина, подходя сзади к Григорию. Привычным движением она сбросила с себя по очереди туфли, после чего положила ухоженные кисти рук с длинными перламутровыми ногтями на плечи артиста. Её длинные тонкие пальчики, украшенные жемчужным маникюром, начали делать лёгкие нажатия на его трапециевидные мышцы, делая незамысловатый расслабляющий массаж. Мужчина прикрыл от удовольствия глаза и замурлыкал, имитируя разомлевшего от ласк хозяйки кота. Продолжая массажные движения, Самохина наклонилась почти к самому уху артиста и с лёгким придыханием прошептала:
— Пойдём в ресторан или сразу в гостиницу?

Капустин ощутил на себе её тёплое влажное дыхание, и по его телу разлилась приятная истома. Он прекрасно понимал, что ожидало его в гостинице, но в данный момент он с удовольствием плюнул бы и на ресторан, и даже на гостиницу. Ему и сейчас уже было хорошо и приятно. Однако же желудок, не желая слушать никаких возражений, настойчиво требовал пищи. Да и сил на сегодняшнее выступление пришлось потратить гораздо больше обычного.

— Гостиница никуда не денется, — мягко, чтобы не обидеть свою партнёршу, сказал Григорий. Он пристально взглянул в большие глаза Вероники с длинными ресницами, на её чудный маленький носик и чувственные губы, густо накрашенные ярко-красной помадой. Кроме таланта фокусника, Капустин с детства обладал ещё некоторыми необычными способностями. Он умел угадывать погоду на несколько дней вперёд, мог безошибочно определить ещё не проявившуюся болезнь у животных… Соседи даже пророчили маленькому Грише стезю известного в районе ветеринара. Кроме всего прочего, одной из немаловажных способностей Капустина было умение чувствовать внутреннее состояние собеседника. Вот и сейчас он без труда прочёл страстное желание женщины отдаться ему прямо здесь, в гримёрке. Такое необъяснимое вожделение возникало у Вероники довольно часто именно после окончания их выступления. Видимо, атмосфера, царившая в зале и на сцене во время шоу, её каким-то образом сильно возбуждала. Однако в этот раз кон-

церт дался мужчине очень тяжело, поэтому его организм, прежде всего, требовал хорошего отдыха и плотного ужина. В принципе, причину своего сегодняшнего угнетённого самочувствия Григорий прекрасно осознавал. Всему виной был тяжелый пристальный взгляд мужчины, сидевшего в первом ряду концертного зала. Люди с таким вот взглядом обычно обладали и не менее тяжелой энергетикой. Эти особы, время от времени появляющиеся на представлениях, если не обнуляли все экстрасенсорные способности артиста, то очень сильно их снижали. Вот и сегодня, только лишь выйдя на сцену, Капустин сразу понял, что лёгкого выступления не будет… Григорий накрыл своей мягкой, не знающей тяжёлого физического труда ладонью руку Вероники и, ещё явственнее ощутив всю гамму её чувств и желаний, тем не менее, добавил: — Пойдём немного подкрепимся.

Довольно хорошо изучив своего партнёра за прошедшие несколько лет их совместной работы и совместной жизни, Самохина сразу оценила его физическое состояние и поэтому не стала возражать.

— Хорошо, тогда давай переодеваться.

Так как скрывать друг от друга им было нечего, то они начали одновременно избавляться от тесной сценической одежды. Когда Вероника, стоя спиной к Капустину, осталась лишь в одних колготах, под которыми просвечивалось едва заметное чёрное бикини, Григорий всё же не выдержал. Его плавки заметно начали топорщиться, а дыхание и сердцеби-

ение участились. Забыв о самочувствии и голоде, он бросил на кресло свои джинсы, которые собирался надеть и, подойдя к Веронике, обхватил её руками. Прижавшись к горячей спине женщины всем своим телом, Капустин нежно сдавил в ладонях её большие мягкие груди. Он не без удовольствия ощутил затвердевшие от желания соски. Вероника, едва заметно улыбаясь, слегка откинула голову назад. Её спина изогнулась, а из горла вырвался, исполненный сладкого томления, звук. Самохина была всего лишь на год моложе Капустина и, несмотря на то, что имела взрослого сына шестнадцати лет, её тело ничуть не потеряло юношеской упругости и притягательности.

— Господин Распутин, Григорий Михайлович, — одновременно со стуком в дверь раздался в коридоре голос администратора концертного зала, в котором они сегодня выступали. — К вам можно?

Распутин — это был сценический псевдоним Капустина, который он использовал уже несколько лет. В молодости, после окончания циркового училища, начиная свою трудовую деятельность в составе цирковой труппы, он, как и любой уважающий себя артист, мечтал о мировой славе. Естественно, что для артиста такого масштаба нужно иметь и очень звучное имя. Проработав несколько лет в разных номерах, а затем ещё столько же помощником заурядного иллюзиониста, Григорий ушёл из цирка и придумал своё иллюзионное шоу. Сначала он выступал один в ресторанах и ночных

клубах. Однако и такая карьера его не устраивала. Обладая экстрасенсорным талантом, Капустин понимал, что способен достичь большего. Тогда-то он и решил применить свой дар в своих выступлениях. Полностью переработав программу, он придумал себе псевдоним Распутин, а через год у него появилась администратор, которую звали Вероника, и которая с удовольствием заняла также место его помощницы на сцене.

С тех пор они работали вместе. К этому времени Капустин-Распутин показывал не просто хорошее иллюзионное шоу, но старался делать его всё более интригующим и в некоторой степени даже таинственным. Как и большинство артистов, не лишённый тщеславия и гордыни, Капустин никогда не скрывал, что желает затмить славу самого Дэвида Копперфильда. И если он, дожив до тридцати восьми лет, до сих пор всё ещё прозябал в неизвестности, то только лишь потому, что у него банально не хватало материальных средств. Артист не мог позволить себе ни шикарную рекламу, ни дорогостоящий реквизит, ни многочисленный обслуживающий персонал. На данный момент Григорий даже не имел возможности нанять нескольких постоянных помощников для транспортировки и установки имеющегося реквизита, обходясь лишь своими силами и силами временных подсобных рабочих.

Такое положение вещей было отнюдь не из-за бездарности или лени артиста. Кто-то там, на небесах, наградив его

некоторыми необычными способностями, подкинул в придачу ещё и редкостное отсутствие везения. Сколько бы Капустин не зарабатывал, большая часть денег постоянно уходила на всевозможные непредвиденные расходы. То у него ящик с реквизитом затеряется где-то в пути, то вдруг на сцене ни с того ни с сего что-нибудь загорится… Вот и приходилось тратить время и нести незапланированные расходы на поиски утерянных вещей или оплату издержек заведению за безвозвратно испорченный инвентарь. Такие мелочи случались очень часто, так что Григорий даже не решался купить себе автомобиль, боясь невзначай попасть в аварию. Самым обидным для артиста было то, что он с лёгкостью угадывал на своих шоу масть и достоинство скрытых от его глаз игральных карт, находил тщательно спрятанные предметы… Но в отношении всего, что касалось его лично, — был слеп, как новорождённый котёнок. Вот и попадал во всякие неприятные ситуации, из которых приходилось выкручиваться разными способами.

Приходили к нему со своими предложениями и богатые спонсоры, и профессиональные продюсеры, готовые за грабительские проценты «раскрутить» артиста в короткий срок. Вот только, будучи человеком гордым и независимым, Капустин напрочь отметал такие кабальные контракты, после чего иногда срочно приходилось менять и место выступления, и город. Эти самые продюсеры, используя свои связи, создавали несговорчивому «клоуну», как они его называли

за глаза, невыносимые условия для дальнейшей концертной деятельности.

— Чёрт! — негромко с досадой выругался Капустин, — какого лешего он припёрся именно сейчас? — С сожалением глядя на то, как Самохина, отстранившись от него, быстро облачается в свои повседневные светлые джинсы и свободный пуловер, скрадывающий её соблазнительные формы, Григорий протянул руку за своими брюками. — Погодите пять минут, мы переодеваемся, — крикнул он уже громко, чтобы его голос был услышан за дверью.

Когда Григорий натягивал свой серенький пиджак — последнюю вещь из своего гардероба, Вероника тоже была почти готова. Она собрала волосы в пышный хвост и одела простенький нательный крестик на верёвочке. Прихватив свои локоны серебряной заколкой с тремя маленькими рубинами, которую ей на день рождения подарил Капустин, женщина подошла к зеркалу. Там она занялась своим лицом, стирая блёстки и лишний макияж. Всё это хорошо смотрелось на сцене, но в повседневной жизни выглядело бы слишком вульгарно. Занимаясь своими привычными делами, Самохина то и дело бросала короткие взгляды на Капустина. Её живые карие глаза игриво блестели, а на губах застыла загадочная улыбка.

Одевшись, Григорий подошёл к двери и щёлкнул замком. В полутемном коридорчике, освещённом ещё старыми люминесцентными лампами, стоял администратор. Это был ху-

дощавый мужчина лет тридцати с зачёсанными назад русыми волосами. Чуть поодаль Капустин увидел того самого типа, из-за которого и прошло сегодняшнее выступление несколько сумбурно, отняв у него много нервов и сил. Человек с неприятным, тяжёлым взглядом был невысокого роста и коренастого телосложения. На вид ему было около пятидесяти лет. На голове — аккуратная причёска и небольшая с проседью бородка. Если бы не дорогой строгий костюм чёрного цвета и такие же брендовые итальянские туфли, стоимостью около тысячи долларов, его вполне можно было бы принять за профессора. Хотя, возможно, Григорий судил устаревшими категориями, так как понятия не имел, как живёт нынешняя профессура. Взгляд у мужчины тоже был вовсе не профессорский. В чёрных зрачках его маленьких прищуренных глаз Капустин прочёл не наличие сверхинтеллекта, а жажду наживы и ещё кое-что, от чего на душе становилось как-то не по себе.

— Извините, пожалуйста, — состроив виноватую гримасу на лице, произнёс администратор, — но Евгений Иванович хочет с вами поговорить. — Чтобы артист вдруг не стал возражать, мужчина тут же добавил: — Евгений Иванович — владелец этого концертного комплекса.

Григорий молча сделал шаг в сторону, жестом приглашая посетителей войти. Он редко бывал лично знаком с хозяевами заведений, в которых выступал, так как все контракты заключала Вероника. Тем временем бизнесмен шагнул

в гримёрную, а когда администратор попытался войти следом, бросил в его сторону многозначительный взгляд. Тот правильно понял этот безмолвный намёк и сразу же ретировался. Не дожидаясь, когда подчинённый закроет за собой дверь, Евгений Иванович по-хозяйски прошёл через всю комнату и уселся на небольшом диванчике, стоявшем справа от гримёрного стола. Облокотившись на мягкую вельветовую спинку, он осмотрел помещение. Затем с заметным любопытством мужчина обвёл взглядом артистов, застывших в ожидании посреди комнаты, и только тогда произнёс:

— Моя фамилия Сапрыкин, а зовут, как вы уже слышали, Евгением Ивановичем. — У него был неприятный, высоковатый голос, в котором явно ощущался оттенок властности. Его манера говорить не очень громко намекала на то, что он привык к тому, чтобы любой его собеседник вслушивался в каждое его слово. Капустин едва заметно кивнул в ответ, но сам представляться не стал. «Хозяин зала по-любому должен знать того, кто у него выступает», — заключил он про себя. После небольшой паузы Сапрыкин продолжил: — Я хотел бы с вами, Григорий Михайлович, поговорить об одном очень важном для меня деле.

Бизнесмен перевёл взгляд на Веронику. Та без слов поняла его намёк. Взяв свою сумочку, женщина повернулась к мужчинам спиной и направилась к выходу.

— Буду ждать тебя в ресторане, — бросила она на ходу Капустину.

Проводив её глазами до дверей, Евгений Иванович произнёс:

— Так вот… У меня к вам, Григорий Михайлович, есть очень интересное предложение. Да, вы присаживайтесь, — тонкие губы хозяина заведения растянулись в фальшивой улыбке. Дождавшись, пока артист усядется на стул напротив него, мужчина продолжил: — Предложение моё, скажем так, несколько необычное… Вы, конечно, не знаете, но у меня есть довольно большая и очень богатая оранжерея. Думаю, я ничуть не преувеличу, если скажу, что она является лучшей оранжереей на всём постсоветском пространстве. Так вот, для неё мне нужен экстрасенс. — Заметив в глазах Капустина недоумение, Сапрыкин тут же добавил: — Извините, я не слишком хорошо умею формулировать мысли, но сейчас вам всё станет понятно. Дело в том, что у меня есть давняя мечта вырастить небывалое растение… Такое, чтобы ему не было аналогов в мире. Многие селекционеры тратят десятки лет на то, чтобы каким-либо образом улучшить свойства того или иного экземпляра. Они делают прививки, пытаясь скрестить один вид с другим, подвергают генной модификации… Кое-что у них, конечно, получается, но это всё не то, что мне нужно. Да и, честно говоря, у меня нет никакого желания тратить свои драгоценные годы на всю эту нудную и кропотливую работу.

— Но я не понимаю, каким образом я могу вам пригодиться? — возразил Григорий, многозначительно взглянув

на часы. — Я не имею ни малейшего представления о том, что вы мне сейчас говорили. Во-первых, я вообще не разбираюсь в ботанике, а во-вторых…

— Успокойтесь, Григорий Михайлович, — прервал бизнесмен Капустина. — Сейчас вы всё поймёте… Вот вы, например, когда-нибудь слышали о том, что растения очень чувствительны ко всему, что происходит вокруг них? Или что они очень тонко чувствуют слова и даже мысли людей, находящихся поблизости?

— Нет, — Капустин отрицательно покачал головой, всё ещё не понимая, что хочет этот человек.

— Построив оранжерею, я, знаете ли, очень серьёзно изучал этот вопрос и, должен сказать, что это действительно так. Если, например, включать вблизи появившихся всходов пшеницы хорошую классическую музыку, то они растут гораздо быстрее и дают обильный урожай, в отличие от тех, которых во время роста оглушают тяжёлой рок-музыкой или ругают матерными словами. Такие растения вырастают больными и нежизнеспособными.

— Всё это интересно… — Григорий вновь попытался прервать словоизлияния Сапрыкина, но тот опять его бесцеремонно оборвал:

— Так вот дело в том, что я хочу попытаться видоизменять растения не музыкой, не словами и не селекцией, а экстрасенсорным внушением. То есть при помощи способностей, которыми вы обладаете.

— Извините, но меня это не интересует, — ответил артист, вставая со стула и давая понять, что разговор на этом окончен.

— Подождите, — в голосе Сапрыкина послышались металлические нотки. Окончательный расчёт за выступления артисты ещё не получили, а потому Капустин не решился портить отношения с хозяином зала. Замерев у гримёрного столика, он выжидающе посмотрел на Евгения Ивановича. — Я же даже не успел озвучить сумму гонорара, который буду платить вам за вашу работу, — закончил он свою мысль.

Сапрыкин быстро достал из внутреннего кармана пиджака красивую и явно дорогую ручку и блокнот. Вырвав из блокнота листок, бизнесмен написал на нём шестизначное число и протянул Капустину. Артист мельком взглянул на запись и вновь поднял на собеседника вопросительный взгляд.

— Да-да, — улыбнувшись одними губами, подтвердил Евгений Иванович, — именно столько я готов платить вам ежемесячно за ваш, скажем прямо, не очень обременительный труд. Кроме того, один миллион рублей я вам выплачу в виде премии после результативного завершения вашей работы.

— Но я же ничего не смыслю в растениях, — уже не очень уверенно попробовал аргументировать артист.

— И это тоже не беда. Во-первых, у вас будет масса времени, чтобы ознакомиться со специальной литературой. Во-вторых, в вашем распоряжении будет интернет, где вы смо-

жете находить ответы на все интересующие вас вопросы. Ну и, наконец, у меня есть садовник, который прекрасно разбирается в растениях и всегда сможет вам объяснить непонятные вам детали.

Капустин вновь посмотрел на листок с обозначенной на нём суммой месячного гонорара, потом на застывшего в ожидании ответа мужчину. С первых секунд знакомства Сапрыкин был ему, мягко говоря, антипатичен, но деньги, которые тот предлагал… «А ведь не факт, что, имея по жизни такой уровень везения, как у меня, — подумал про себя Григорий Михайлович, — я когда-либо смогу накопить денег на то, чтобы сделать своё полноценное шоу. А что, если небеса мне дают единственно возможный вариант исполнить свою мечту?»

— Мне нужно посоветоваться с моей партнёршей, — наконец сказал он.

— Да, конечно, пожалуйста. Посоветуйтесь. Вот вам номер моего мобильного, — бизнесмен протянул артисту свою визитку. — Звоните сразу, как надумаете. Только прошу вас, не затягивайте с решением. Растение, которое меня интересует, уже привезено, и оно ждёт вас.

Сапрыкин поднялся со своего места и, не прощаясь, вышел из гримёрной…

— Ну и чего этот сноб от тебя хотел? — спросила Вероника, когда Капустин уселся к ней за столик в ресторане. Она пригубила из бокала красное вино и пододвинула в сторону

мужчины ресторанное меню.

— Не поверишь, — улыбнулся Григорий, — предложил мне работу в своей оранжерее. — Артист не стал заглядывать в меню, с которым ознакомился ещё вчера, а подозвав официанта, заказал несколько знакомых блюд. Услышав такую неожиданную новость, Вероника резко прекратила пить и замерла, удивлённо уставившись на собеседника поверх бокала. — Он хочет, чтобы я вырастил ему необычное растение, — ответил Капустин на её вопросительный взгляд.

— Ерунда какая-то, — фыркнула женщина и одним глотком допила оставшееся вино. Поставив пустой бокал на стол, она добавила: — И при чём тут ты? Он что, не может себе найти нормального садовника?

— Ему нужен человек с такими способностями, как у меня, — терпеливо пояснил Григорий.

— Всё равно не понимаю… Где ты и где растения… Ты же, кроме укропа в салате, ничего больше из ботаники не знаешь…

— Я ему сказал почти то же самое. Но он предложил мне вот это, — Капустин достал из кармана смятый блокнотный листок с шестизначной цифрой, написанной рукой бизнесмена. — Плюс миллион, когда работа будет окончена, — добавил он.

Женщина некоторое время переводила взгляд с листочка на Григория и обратно, потом с сомнением в голосе спросила:

— И что, ты согласился?

— Ещё нет. Сказал, что подумаю.

По интонации, с какой были произнесены эти слова, Самохина поняла, что Капустин уже всё решил для себя.

— А как же наше шоу? Что будет с нашими концертами?

— Шоу… — глаза собеседника задумчиво устремились куда-то вдаль. — О нём я как раз и подумал в первую очередь. Ты же видишь, что мы всё время топчемся на одном месте и никак не можем вырваться из замкнутого круга… Давай просто сделаем перерыв с выступлениями, подсобираем деньжат, а потом сделаем грандиозное шоу. Такое, о котором мы с тобой мечтали все эти годы.

Пока подошедший официант расставлял на столе принесённые им блюда, Капустин молча следил за его манипуляциями. «Не хватает чёткости в движениях», — сделал он профессиональный вывод, беря в руки нож и вилку. А в следующее мгновение артист уже забыл про всё. Он с жадностью принялся поглощать антрекот с гратеном дофинуа[1], заедая всё это салатом из овощей и запивая красным вином. Вероника без аппетита съела свой салат (она никогда на ночь не употребляла тяжёлую пищу) и выпила ещё один бокал вина.

— А что будет со мной? — наконец грустно произнесла она, отодвигая в сторону пустую тарелку.

---

[1] Гратен дофинуа (от фр. Gratin dauphinois) — французское блюдо из нарезанного картофеля, запечённого в молоке или сливках.

— А что с тобой? — не понял её вопроса Григорий.

— Ну, что всё это время буду делать я?

— Будешь временно домохозяйкой. Раз такое дело, то снимем нормальную квартиру, будешь заниматься хозяйством…

— Да я же умру от скуки…

— Ника, ну что ты капризничаешь? — попытался урезонить женщину Капустин. — Это же не на всю жизнь. Я приложу все свои способности, чтобы управиться как можно быстрее. Ну, если хочешь — найдёшь себе на это время какое-нибудь занятие… А хочешь, я поговорю с Сапрыкиным, может, он и тебе предложит какую-нибудь работёнку. Я думаю, он не только концертный зал имеет, скорее всего, у него есть и другие заведения, в которых может понадобиться хороший администратор.

— Не нравится он мне… Ты же лучше меня видел, что это за человек…

— Мне он тоже не нравится, а что делать? Да, у него не всё благополучно с совестью, и его мечты кажутся немного странноватыми… Но главное, что я не ощутил какой-либо угрозы в мой, точнее в наш адрес. А интуиция меня до сих пор не подводила.

— Да, уж, не подводила… Только с тобой почему-то постоянно происходят какие-нибудь неприятности… — скептически заметила Вероника, после чего робко предложила: — Гриша, может, ну его… Может, всё же синица в руке луч-

ше?..

— Чем утка под кроватью? — беспечно хмыкнул Капустин, ещё не подозревая, насколько близко к истине окажутся его слова.

2

Июль 2019 года

Когда Григорий Михайлович подошёл к дому, в котором они с Вероникой снимали двухкомнатную квартиру, его светлая футболка была почти полностью мокрой от пота. Остановившись под козырьком у дверей подъезда, чтобы отдышаться перед подъёмом на второй этаж, он ещё раз, по привычке взглянул на циферблат часов. Соскользнув с циферблата, взгляд Капустина упёрся в диковинное растение, которое буквально сегодня, пока он был на работе, появилось на клумбе, разбитой жильцами рядом с домом. Все растения на ней за последние дни сильно пожелтели, а некоторые цветы просто засохли. Лишь листва этого кустарника, своим видом напоминающего большого кота, была сочна и насыщена зелёными оттенками. К сожалению, такие необычные кусты, по форме напоминающие либо животное, либо птицу, раскинувшую в стороны крылья, с некоторых пор стали довольно частым явлением в Новопруднинске. Они то и дело появлялись в самых разнообразных и зачастую совсем не подходящих для жизни растений местах. Эти необычные

растения очень походили на грубо выполненную топиарную[2] фигуру. Вот только энергетика, исходившая от них, которую Капустин в силу своих способностей ощущал очень хорошо, была очень неприятной и тяжёлой. От таких произведений искусства, если их вообще можно было так назвать, веяло неприятным могильным холодком. В большинстве случаев замысловатые кустарники, появившиеся в течение ночи прямо посреди тротуара, даже не успев пустить корни, в тот же день беспощадно убирались дворниками или другими коммунальными службами. Те же растения, что «вырастали» где-нибудь меж других кустов или на клумбах, порой так и продолжали существовать. Поначалу это явление вызвало ажиотаж и среди населения, и среди прессы. Существовало множество версий о том, откуда берутся эти диковинные растения. Однако вразумительного ответа так никто и не дал, а потому, не прошло и недели, как люди практически перестали обращать на них внимание.

Григорий тоже видел такие фигуры уже много раз, однако сейчас почему-то не мог оторвать свой взгляд от этого злополучного куста. Вдруг, несмотря на абсолютно безветренную погоду, мелкие листочки куста-кота зашевелились, а в голове у мужчины послышался неприятный хрипловатый смех, а затем и голос.

---

[2] Топиар (топиарная стрижка) — особый способ оформления растений, при котором кронам кустов или деревьев придают геометрическую или художественную форму

— Хе-хе-хе… — мерзкий смешок напоминал скорее кашель простывшего старика. — Скоро, дружок, мы будем встречаться с тобой везде.

Услышав этот дьявольский голос, Капустин скривился, словно от зубной боли. По телу, несмотря на жару, пробежал лёгкий озноб. Ему показалось, будто на него сейчас вылили ведро холодной воды.

— Тварь, — едва слышно пробормотал он, упёршись спиной в горячую металлическую дверь подъезда. — Бездушная тварь… — Звучавший в голове голос, вовсе не был слуховой галлюцинацией или бредом из-за изнуряющей жары. Капустин слышал его уже много раз, вот только это происходило всегда в одном единственном месте. — Ну, что ты на него уставился, будто в первый раз такое видишь? — одёрнул себя артист. — Давай же, поторапливайся, идиот, а то и с тобой тоже самое будет…

Всё ещё не в силах оторвать взгляда от растения, мужчина нащупал рукой на стене щиток с кнопками и практически наугад нажал нужные цифры. Щёлкнул замок, послышался уже порядком поднадоевший за время проживания в этом доме сигнал, оповещающий, что можно входить. Резко развернувшись, Григорий Михайлович рванул на себя дверь и, чуть ли не прыжком заскочив в подъезд, тут же её захлопнул. Здесь было немного прохладнее, но всё равно душно. Сердце бешено колотилось в грудной клетке, словно птица, попавшая в неволю и пытающаяся вырваться наружу. «Спокойно, нече-

го так волноваться, — мысленно успокаивал себя Капустин. — Чего ты дёргаешься, словно впервые увидел такую штуковину? Ну, подумаешь, ещё один куст появился…» Мужчина медленно начал подниматься на второй этаж. В пятиэтажных хрущёвках, лифт, к сожалению, не был предусмотрен, поэтому он, придерживая правой рукой то место, где судорожно вибрировало сердце, левой держался за перила, помогая себе продвигаться вверх. «Жадность, Гришенька, никого до добра не доводила, — укорял он себя. — Не позарился бы на большие бабки, сидел бы сейчас в каком-нибудь кабачке под кондиционером да попивал холодное пивко».

При воспоминании о прохладном напитке, во рту Григория Михайловича появилась густая вязкая слюна. С трудом проглотив эту липкую субстанцию, непослушными пальцами он достал из кармана ключ. Некоторое время ему понадобилось на то, чтобы унять дрожь в руке.

— Чёрт, да успокойся же ты, в конце-то концов… — шёпотом прикрикнул на себя Капустин. Наконец, попав ключом в замочную скважину, он открыл замок и вошёл в квартиру.

За несколько месяцев до описываемых событий

Поскольку в Новопруднинске артистам пришлось задержаться на неопределённый срок, то, посовещавшись, они решили снять в этом городе квартиру. Договорившись, что

этим займётся Вероника, Капустин вызвал к гостинице такси. Водитель отвёз его по адресу, который ему дал Сапрыкин. Расплатившись по счётчику, артист вышел из автомобиля и слегка поёжился от внезапно налетевшего холодного ветерка. На календаре была ранняя весна. Погода пока не спешила баловать жителей Новопруднинска теплом, и на улицах ещё местами лежал снег. На обочинах дорог виднелись небольшие сугробы, которые навалили за зиму снегоуборочные машины. Григорий ещё с юности не любил носить шапки и даже сейчас, когда голова была гладко выбрита, не отказался от своего нездорового пунктика. Капустин уже хотел было поднять воротник своего демисезонного пальто, но потом передумал делать и это. Ему очень не хотелось в первый день предстать перед работодателем этаким субтильным мерзляком. Артист осмотрелся по сторонам. Дом, где жил бизнесмен, находился почти на окраине города. Судя по всему, это был какой-то элитный посёлок, так как, глядя на преобладающие здесь коттеджи, все его жители были вовсе не бедными людьми. Рядом с массивной металлической калиткой, возле которой Капустина высадил таксист, висела табличка: «Улица Ломоносова, дом 44». Именно здесь и проживал Сапрыкин. За высоким забором, возведенным из красного облицовочного кирпича, возвышался красивый двухэтажный особняк, покрытый современным кровельным материалом грязно-фиолетового цвета. Прямоугольная площадка возле ворот и калитки, выложенная тротуарной плиткой, в отли-

чие от дороги, была сухой. Видимо, снег здесь убирали регулярно, и начинающее днём пригревать весеннее солнце уже успело её подсушить. Григорий подошёл к массивной калитке и нажал на кнопку звонка. Почти сразу в динамике, укрытом в нише забора, раздался мужской голос:

— Вы по какому вопросу?

Голос принадлежал явно не Сапрыкину, поэтому Капустин ответил:

— Мне нужен Евгений Иванович.

— Как ваша фамилия?

— Капустин.

— Проходите, — послышалось из динамика, и калитка, щелкнув замком, отворилась. С правой стороны от входа находилось небольшое каменное строение с большим окном, занимающим почти всю стену. За стеклом сидел молодой мужчина лет тридцати в темном костюме и галстуке. Цепким, профессиональным взглядом он изучающе смотрел на Григория. «Секьюрити», — хмыкнул про себя артист, вспомнив модное в нынешние времена словечко. Сейчас практически у каждого мало-мальски поднявшегося бизнесмена непременно должна быть охрана. И зачастую она была нужна не столько для прямого назначения, сколько для престижа, так сказать, чтобы не упасть в грязь лицом перед своими партнёрами по бизнесу. Не успел Капустин сделать несколько шагов в сторону дома по выложенной тротуарной плиткой дорожке, как на невысоком крыльце увидел появив-

шегося там хозяина дома. Сегодня Евгений Иванович был одет по-домашнему: в тёплый вязаный свитер под самое горло и широкие серые брюки. На ногах были лёгкие фирменные кроссовки.

— Вы приехали как раз к оговоренному времени, — вместо приветствия произнёс он, и его губы едва заметно растянулись в неприятной улыбке. Артист вновь невольно поёжился. Бывают такие люди, у которых даже улыбка не вызывает у собеседника ничего, кроме чувства отвращения. — Это похвально. Не люблю, знаете ли, необязательных людей. — Сапрыкин спустился с крыльца и, не подав руки, коротко добавил: — пойдёмте.

— Я старался, — запоздало ответил Капустин в спину своему новому работодателю. То, что панибратства здесь не будет, он понял с первых минут пребывания в этом месте. «Кесарю — кесарево», — подумал он уже про себя.

Бизнесмен, немного сутулясь на прохладном ветру, торопливо зашагал куда-то в сторону. Когда мужчины в сопровождении ещё одного охранника, появившегося неизвестно откуда и представлявшего почти точную копию того, что сидел в будке у ворот, повернули за угол дома, перед Капустиным возникло ещё одно строение. Оно почти вплотную прилегало к особняку, оставляя между строениями лишь небольшой промежуток в полтора метра. «Оранжерея», — сообразил артист. Догадаться было не трудно, так как это было довольно высокое здание, стены которого состояли прак-

тически из одних окон. Его покатая крыша тоже была стеклянной. В отличие от ещё блёклых весенних красок, царивших в городе, сквозь прозрачные стены оранжереи даже издали можно было увидеть невероятное буйство зелёной растительности.

У самой двери, примыкавшей к оранжерее небольшой пристройки и служившей обычным тамбуром, Евгений Иванович на несколько мгновений задержался. Бизнесмен бросил на Капустина взгляд, в котором тот безошибочно прочёл предвкушение чего-то очень приятного и желанного. Затем он решительно толкнул дверь и вошёл внутрь. Мужчины быстро миновали небольшой ярко освещённый коридор и вошли в оранжерею. Григорий никогда не был в тропиках, но сейчас явно ощутил, что именно так они и выглядят и именно такой там климат. Воздух в оранжерее был тёплым и влажным, и, чтобы не вспотеть, артист сразу расстегнул пуговицы на своём пальто. Охранник, войдя в помещение следом за ним, прикрыл дверь и замер у входа, точно восковая фигура, заложив руки за спину. Сапрыкин с Капустиным двинулись дальше по широкой дорожке. В оранжерее всё было устроено так, чтобы максимально походило на первозданный природный ландшафт. Из-за естественной растительности и различных декоративных фишек, не было видно ни горшков, в которых росли растения, ни полок, на которых они стояли. Даже дорожка, по которой продвигались мужчины, была вымощена не обычной тротуарной плиткой,

а диким камнем.

Григорий не без интереса рассматривал окружающую его флору, удивляясь и поражаясь, насколько изобретательна бывает природа, сотворившая такие уникальные вещи. Всё пространство оранжереи было занято разнообразными растениями, кое-где располагавшимися в несколько ярусов. Вверх, до самого потолка помещения, вдоль стеклянных стен росли: то переплетаясь, то разбегаясь в разные стороны, всевозможные лианы. В некоторых местах своей листвой они почти скрывали стены оранжереи, и человеку, впервые попавшему сюда, казалось, что он действительно находится в самом центре диких тропических джунглей. Единственное, что в корне отличало этот искусственно созданный уголок природы от натурального, так это отсутствие животного мира. Иногда Григорий смотрел по телевизору канал «Дискавери» и знал, как богата и разнообразна тропическая фауна. Поэтому он шёл за хозяином оранжереи, без устали вертя головой во все стороны, надеясь увидеть кроме растений хоть одну диковинную зверушку. Ему так и казалось, что прямо сейчас из густой листвы какой-нибудь лианы появится голова обезьяны или из ветвей раскидистого куста выпорхнет, удивляя своей расцветкой, огромный попугай. Мелькала в голове артиста и более жутковатая мысль: а не выползет ли из-за одной из многочисленных кадок с растениями ядовитая гадюка? Однако сколько ни присматривался Капустин, кроме мелких мошек и мух, которых здесь действительно

было очень много, никого не обнаружил.

Вдруг вдали между кустов всё же мелькнуло что-то белое. Сапрыкин, тоже заметив это, остановился.

— Игнат Леонтьевич, — писклявым голосом громко крикнул он, глядя в ту сторону.

В ту же секунду над густой листвой каких-то невысоких растений появилась голова мужчины в белой бейсболке, повёрнутой козырьком назад. На вид ему было чуть больше пятидесяти лет, а под носом у него росли шикарные чёрные с проседью усы.

— Да, Евгений Иванович, — отозвался он, с некоторым трудом распрямляя спину. Его слегка прищуренные глазки уставились не на хозяина, а на незнакомца. Если бы не современная бейсболка, то Капустин мог бы с уверенностью сказать, что садовник очень даже смахивает на Иосифа Виссарионовича Сталина.

— Когда закончишь, зайди к Нэпу.

— Хорошо, — ответил мужчина и тут же вновь скрылся за стеллажами.

— Игнат Леонтьевич — мой садовник, — пояснил Капустину Сапрыкин, продолжив неспешное движение по оранжерее. — Вы будете вместе работать над моим питомцем. Кстати, я назвал его Нэпом. Это типа сокращённо от непентес. Вам не нужно будет каким-либо образом ухаживать за растением, всем этим будет заниматься Леонтич. Ваша задача будет состоять в другом. Об этом мы поговорим чуть

позже.

Наконец, мужчины дошли до противоположного конца оранжереи и, свернув налево, Григорий увидел большую коробку, видимо, совсем недавно собранную из листов ДСП. Не смотря на кажущуюся хлипкость строения, при ближайшем рассмотрении конструкция оказалась довольно прочной и устойчивой. Со стороны дорожки в коробке имелась металлическая дверь, и когда Сапрыкин её открыл, Капустин увидел перед собой маленькую комнатку, освещённую лампами дневного света. В комнате находились: небольшой кожаный диванчик, компьютерный стол со всем необходимым оборудованием, стул с мягким сиденьем, а также множество книжных полок, большинство из которых были пустыми.

— Можете здесь раздеться, — хозяин оранжереи указал на прикреплённую к деревянной плите металлическую вешалку.

Капустин с удовольствием снял верхнюю одежду, так как уже начал покрываться потом. Повесив пальто, он поспешил за Сапрыкиным к противоположной от входа стене, в которой была ещё одна дверь. Второе помещение было более просторным и с такой же стеклянной крышей, как и у самой оранжереи. Сквозь неё попадало довольно много света из основного помещения, но, тем не менее, по бокам имелось ещё и искусственное освещение. В центре этой практически пустой комнаты, в красивой пластмассовой кадке росло какое-то небольшое растение с гладкими плотными листьями.

На концах некоторых листочков имелись забавные отростки в виде загнутых наружу крючков. В целом ничего особенного в этом растении Григорий не обнаружил. Если бы он увидел его где-нибудь в другом месте, то, пожалуй, не обратил бы на него никакого внимания.

— А вот и ваш подопечный, — с нежностью произнёс Сапрыкин, глядя на этот невзрачный кустик с нескрываемым благоговением. — Непентес Раджа, один из видов непентесов, занесённых в Красную книгу. Мне его привезли прямо с индонезийского острова Калимантан. Малайцы этот остров ещё называют Борнео.

Капустин хотел было поинтересоваться о законности приобретения этого редкого растения, но благоразумно промолчал, оставив этот вопрос на совести хозяина оранжереи. В конце концов, за те деньги, которые обещал платить Сапрыкин, он готов был работать с чем угодно. Григорий ещё раз внимательно всмотрелся в цветок, чтобы понять, какой энергетикой он обладает, но так толком ничего и не ощутил. Видимо, растение было ещё слишком молодое, чтобы излучать во внешний мир какие-либо серьёзные эманации.

— Это ещё очень молодой непентес, — словно прочитав мысли артиста, произнёс Евгений Иванович. — Но Раджа — это один из самых больших видов, существующих на нашей планете. А вот какой именно величины он достигнет и что будет из себя представлять в конечной стадии своего развития, зависит уже не только от садовника, но и в не меньшей

степени от вас. — Сапрыкин, наконец, оторвал влюблённый взгляд от растения и взглянул на собеседника. — Что ж, давайте вернёмся в ваш кабинет, и там определимся с вашими задачами.

— Вы говорите, что этот непентес вырастает очень большим, — обратился к хозяину оранжереи Григорий, выходя за ним в первую комнату. — Почему же тогда для него помещение такое маленькое?

— Это вы правильно заметили, — обернулся к нему Сапрыкин. — Конечно, в этой комнатушке ему со временем станет очень тесно. Но это его временное жильё. Я уже начал строить с обратной стороны оранжереи ещё одно помещение, предназначенное специально для Нэпа. Когда оно будет готово, его перенесут туда. И да, — мужчина остановился у компьютерного стола, — не нужно никому рассказывать о том, сколько я собираюсь вам платить за работу. Пусть это останется между нами, так сказать, нашим небольшим секретом.

— Хорошо, — пожал плечами Капустин, прикрывая за собой дверь.

— Для начала прочитайте вот это, — Сапрыкин взял лежащий на столе пластиковый файл с вложенным в него листом бумаги и протянул Григорию. Как оказалось, это был отпечатанный на принтере договор. Капустин бегло пробежал глазами по строчкам документа, после чего поднял вопросительный взгляд на своего работодателя. — Если вас всё

устраивает, сказал тот, — то подпишите. Прошу обратить особое внимание на пункт о запрете курения на территории оранжереи. Наказывать буду строго, так что подумайте, может быть, будет лучше, если вы вообще бросите эту пагубную привычку.

— Хорошо, я подумаю об этом, — без особого энтузиазма произнёс артист.

На столе, кроме компьютерных принадлежностей и принтера, предусмотрительно стоял стаканчик с вложенными в него ручками разных цветов, простыми карандашами и толстым чёрным маркером. Рядом лежала нераспечатанная пачка офисной бумаги для принтера. Григорий взял из стаканчика первую попавшуюся ручку и, вынув документ из файла, подписал его своей размашистой подписью. Её он тоже придумал и отработал уже давно, как раз для тех времён, когда толпы поклонников будут осаждать его повсюду с целью получить долгожданный автограф.

— Можно? — в проёме двери показалась голова садовника.

— Входи, — отозвался Сапрыкин, усаживаясь на диванчик. — Знакомьтесь, — предложил он мужчинам.

— Мельников, Игнат Леонтьевич, — отрекомендовался садовник, снимая синюю матерчатую перчатку, изрядно выпачканную в грязи, и протягивая руку Капустину. Кисть у него была маленькая, впрочем, как и его рост. Там, в оранжерее, мужчина показался Григорию гораздо выше. «Види-

мо тогда он стоял на какой-то подставке», — предположил артист.

— Капустин Григорий Михайлович, — в свою очередь представился он.

— Это тот самый фокусник, о котором я тебе говорил, — прокомментировал Евгений Иванович. Капустин едва заметно скривился. Ему никогда не нравилось слово «фокусник». Сам себя он всегда позиционировал как иллюзионист. После слов Сапрыкина, садовник ещё больше сощурил глаза и ещё раз окинул взглядом крепкую фигуру своего нового коллеги. — Между прочим, чтобы ты знал, — непринуждённо перейдя на «ты», обратился хозяин оранжереи к Григорию, — Леонтич ко мне не с улицы пришёл, он у нас кандидат биологических наук!

Теперь уже Капустин сверху вниз оценивающе взглянул на мужчину. В отличие от Сапрыкина, садовник ему сразу понравился. Бывают и такие люди, к которым, ещё даже не начав общаться, уже начинаешь испытывать симпатию. Когда хозяин оранжереи с пафосом произнёс учёную степень садовника, в лице Леонтьевича ничего не изменилось. Как экстрасенс, Григорий очень хорошо разбирался в людях, поэтому был доволен, что в напарники ему достался не какой-нибудь деревенский мужик или сноб от науки, а вполне нормальный человек. В это время в кармане у Евгения Ивановича завибрировал мобильник. Он достал телефон, взглянул на дисплей и, сбросив вызов, сказал:

— Ладно, о деталях мы ещё с вами поговорим… Ты, Михалыч, пока осваивайся, пообщайся с Леонтичем, почитай литературку… — Сапрыкин кивнул на книжные полки. — А мне пока, нужно на время удалиться. Бизнес требует моего вмешательства.

Забрав со стола подписанный Капустиным документ, он свернул его трубочкой и вышел из помещения. На некоторое время в комнатушке воцарилась тишина. Григорий ещё раз, только теперь немного внимательнее, пробежался взглядом по корешкам книг, стоящих на полках. Это была литература, связанная исключительно с растениями. На нескольких брошюрах он прочёл уже знакомое название «Непентес». Садовник терпеливо дожидался, пока его новый коллега закончит осмотр, а когда тот, наконец, оторвал взгляд от книг, предложил:

— А пойдём-ка, Гриша, ко мне, чайку попьём, да заодно и погутарим.

— Пойдём, — Капустин пожал плечами и направился следом за Мельниковым.

Комната садовника, которую Григорий сразу и не заметил, попав в оранжерею, находилась почти у самого её входа. Это было небольшое помещение, выстроенное из белого кирпича, заросшее снаружи лианами. Оно тоже было разделено на две части перегородкой с арочным проёмом. В первом, большом помещении, хранился садовый инвентарь, всевозможные пластиковые пакеты и пластмассовые бочонки с удобре-

ниями и грунтом. Второе помещение было приспособлено под комнату отдыха. Садовник указал гостю на один из стульев, стоящих возле небольшого кухонного стола, а сам подошёл к тумбочке, на которой стоял электрический чайник, и долил в него из пластиковой бутылки воды. Щёлкнув выключателем, Игнат Леонтьевич достал из тумбочки две чашки, небольшой заварной чайничек и пачку чая с китайскими иероглифами.

— Ты зелёный чай любишь? — спросил он, насыпая заварку в чайник.

— Мне всё равно, — ответил Капустин, с любопытством наблюдая за манипуляциями садовника. То, что заварка была листовая, а не в пакетиках, ему понравилось. В своё время ему пришлось приложить немалые усилия, чтобы объяснить Веронике простую истину: в пакетиках, какого бы именитого бренда они ни были, априори не может быть хорошего чая.

— Вот и хорошо, — не отрываясь от своего занятия, ответил Игнат Леонтьевич. — Не знаю, как ты, а я терпеть не могу всякие там пакетики… Как только люди такое дерьмо пьют? Такое впечатление, что ты не чай, а пыль в пакетике завариваешь… Тебе с сахаром?

— Нет, спасибо, — ответил артист, мысленно улыбаясь тому, что их с Леонтьевичем вкусы совпадают.

— Это правильно, — одобрительно произнёс садовник. — С сахаром ты никогда не поймёшь истинного вкуса хорошего чая. Сахар как раз для тех, кто пьёт чай из пакетиков,

— мужчина расплылся в довольной улыбке от собственной шутки.

В это время вода в чайнике уже забурлила, а ещё через несколько секунд он, как и положено, отключился. Мельников не стал сразу заливать кипяток в чайник. Он молча, глядя в большое окно, выходящее во двор, подождал несколько минут, пока вода чуть остынет. Капустин тоже понимал толк в хороших чаях, поэтому знал, что заваривать нужно не крутым кипятком, а остывшим градусов до восьмидесяти-девяноста. Наконец, садовник залил заварник водой и через несколько секунд в помещении распространился приятный аромат явно не дешёвого чая. Григорий с интересом наблюдал за священнодействием своего нового знакомого, и на его губах застыла улыбка. Подождав ещё немного, Игнат Леонтьевич перелил заварку из чайника в небольшой сосуд белого цвета, который артист принял за молочник. Оглянувшись на своего нового коллегу и увидев его удивлённое лицо, садовник пояснил:

— Это сливник, по-китайски — чахай. Он предназначен для того, чтобы у всех, кто принимает участие в чаепитии, заварка была однородной. — Разливая чай в чашки, Мельников добавил: — В общем, чтобы тот, кому наливали первым, не стал завидовать тому, у кого чай оказался более насыщенным.

Долив в чайник новую порцию кипятка, Игнат Леонтьевич перенёс чашки на стол. Усевшись на второй стул на-

против своего гостя, садовник, наконец, снял с головы свою бейсболку и положил на край стола. У него оказались седые коротко постриженные волосы, так что теперь он стал ещё меньше походить на известного генералиссимуса.

— Так что хочет от тебя шеф? — спросил Игнат Леонтьевич, оторвав взгляд от чашки и переведя его на своего собеседника.

— Да я толком ещё даже и не понял, — честно ответил Капустин. — Вроде бы что-то нужно сделать с непентесом, а что конкретно ещё не сказал.

— А ты вообще хоть что-нибудь в растениях понимаешь?

— Увы, — развёл руками артист. — Ботаника меня никогда не интересовала.

— Но в принципе, природу хотя бы любишь? — продолжал допытываться садовник.

— Природу люблю. Кто же её не любит?..

— Да всякие люди бывают…

— Бывают, — согласился Григорий, — но я не из таких.

— Это хорошо, — промолвил Мельников и на несколько минут замолчал. Оба мужчины почти синхронно подняли со стола свои чашки и пригубили горячий напиток. Чай оказался не только ароматным, но и приятным на вкус. Особенно Капустину понравилось послевкусие, напоминающее смесь мёда, каких-то фруктов и молока.

— Что за сорт? — поинтересовался он, держа чашку перед лицом и наслаждаясь исходящим из неё ароматом. —

Никогда такого не пил.

— «Молочный улун», — ответил садовник, делая небольшой глоток напитка. — Улун в переводе означает «Тёмный дракон». Только в наших магазинах ты такого не найдёшь, — улыбнулся мужчина, и вокруг его глаз разбежалось множество морщинок. — Этот чай шефу привозят прямо из Тайваня. Эксклюзив!

— Наверное, ценит тебя шеф, если балует таким эксклюзивом.

— Наверное, — не стал набивать себе цену Игнат Леонтьевич.

— Как ты только со всем этим хозяйством управляешься? — сменил тему разговора Григорий, обводя взглядом помещение. Родившись в деревне, он прекрасно представлял, что значит работать на земле.

— Так я же не один здесь всем занимаюсь. Для трудоёмких работ шеф нанимает временных подсобных рабочих. Я здесь только как специалист: советую, заказываю всё необходимое для жизнедеятельности оранжереи, занимаюсь подрезкой… В общем, слежу за состоянием здоровья растений. Микроклимат здесь поддерживается специальной системой климат-контроля. Автоматика экономит много времени и делает всё вовремя.

— Ну, а как тебе твой шеф? — полюбопытствовал артист, хотя благодаря своему дару уже имел некоторое представление о хозяине оранжереи.

— Наш шеф, — поправил Капустина садовник, сделав ударение на слове «наш». — Контракт ведь уже, небось, подписал?

— Да, подписал, — согласился Григорий. — Так как тебе наш шеф?

— Да ничего особенного… Обычный бизнесмен… Конечно, есть свои тараканы в голове, так у кого их нет? Вот, например, эта оранжерея… Много ты видел нуворишей, которые вместо того, чтобы покупать новые тачки и золото, вбухивают миллионы в растения?

— Да нет, не видел, — согласился Капустин, делая последний глоток чая.

— Ещё налить? — поинтересовался Мельников. — В зелёном чае каждая последующая заварка имеет свой особый оттенок и вкус.

— В принципе, можно, — не стал возражать Григорий. — А расскажи мне про оранжерею, — попросил он.

— С удовольствием, — садовник не спеша поднялся со стула, взял чашки и подошел к тумбочке, на которой стояли чайники. — Главное её отличие от прочих подобных мест, — это её особая ориентация. Как ты, наверное, заметил, здесь летает много насекомых. — Капустин кивнул в знак согласия. — Так вот, — продолжил Игнат Леонтьевич, — это, я тебе скажу, не просто так, это — корм.

— Корм? — удивился Капустин. — Для кого?

— Не для кого, а для чего? — вновь поправил его садов-

ник. — Корм для наших растений. Растений-хищников!

3

Июль 2019 года

Квартира встретила Капустина уже привычной тишиной. Сейчас, в отсутствие женщины, жильё напоминало ему унылую пещеру отшельника. Пустая, неухоженная, заброшенная… Уборка и обустройство квартиры являлись прерогативой Вероники, а у Григория Михайловича после того, как она попала в больницу, не было никакого желания заниматься домашним хозяйством. В одиночку ходить в ресторан или кафе ему было лень, а готовить вкусные и полезные блюда, как это делала Самохина, он не умел. Поэтому артист всё чаще заказывал еду на дом или же покупал в ближайшем супермаркете какие-нибудь полуфабрикаты, не требующие много времени на приготовление. Уже больше двух недель Вероника лежала в больнице, а точнее в кожно-венерологическом диспансере, и, как подозревал Капустин, уже никогда оттуда не выпишется. Отвечая на вопросы по поводу здоровья Самохиной, врачи, как правило, разводили руками и говорили, что делают всё возможное. «К сожалению, — обычно завершали они свои беседы с родственниками недавно поступивших пациентов, — этимология болезни ещё не изучена, и лекарств от неё пока не изобрели. У нас сейчас полбольницы с таким диагнозом, так что будем надеяться на лучшее».

В последнее время люди с подобными проблемами, какие

были у Вероники, всё чаще поступали в инфекционные отделения всех больниц города. Кожно-венерологический диспансер был переполнен и не мог принимать новых пациентов. Неизвестная эпидемия распространялась с нарастающей быстротой. Инкубационный период развития непонятной болезни, прозванной в народе «зелёной», у заражённых длился довольно долго — около двух-трёх месяцев. Поэтому врачи никак не могли определить, откуда появилась эта странная болезнь, и терялись в догадках: какой именно вирус способствовал её появлению?

У животных и птиц дело обстояло гораздо хуже. У них инкубационный период протекал практически за сутки или, в некоторых случаях, даже за несколько часов. Вероятно, всё зависело от размера существа, а также, возможно, от врождённого иммунитета. К сожалению, в самом начале распространения «зелёной» болезни появление в городе большого количества необычных растений, очень похожих на животных, никто не связал с необычными симптомами у людей, обращающихся к врачам. Единственными счастливчиками, имеющими мощный иммунитет к новой болезни, были насекомые и холоднокровные. В то время как птиц становилось всё меньше, численность всевозможных мух, мошек и комаров постоянно увеличивалась.

В съёмной квартире Григория Михайловича тоже было душно и жарко, хотя, конечно, не так, как на улице. Приходя с работы, он обычно включал кондиционер, который затем

работал всю ночь, создавая приятный микроклимат. Проветривалась квартира и прошлой ночью, вот только все её окна выходили на юго-запад, и солнце прогревало помещение практически в течение всего светового дня. Войдя в гостиную, Капустин не стал включать кондиционер — из-за своей нерасторопности он и так потерял много времени. Тратить драгоценные секунды на создание микроклимата было неразумно. Не сегодня-завтра город могут закрыть на карантин, тогда уж точно никуда отсюда не деться. Первое, что сделал артист, так это — сменил пропитавшуюся потом одежду на новую сухую. Искушение зайти в душ, чтобы обмыться, Григорий Михайлович тоже стоически преодолел. Поскольку путь предстоял неблизкий, он одел новые выходные брюки и светлую льняную рубашку с коротким рукавом, в которой имелось два больших кармана. В один из карманов рубашки Капустин первым делом положил паспорт и банковскую карту. Во второй — пачку сигарет. В карман брюк артист сунул имеющуюся в доме наличность, которой оказалось не так уж много, и небольшую упаковку с одноразовыми влажными салфетками. Взяв в руки галстук, он немного подумал и хотел уже отбросить ненужный в данный момент предмет в сторону, но какая-то неведомая сила заставила всё же сунуть и его в карман.

Достав с антресоли большую спортивную сумку, мужчина вытряхнул из неё прямо на пол какой-то мусор и начал быстро складывать туда вещи, необходимые в дороге. К сожале-

нию, весь свой гардероб и все приобретённые за последнее время мелочи забрать было просто нереально. Так как зарплата у Григория Михайловича была очень приличной, то таких вещей накопилось довольно много. Вероника всячески старалась сделать их временное жильё, как можно уютнее, а проживание — комфортным. На это, естественно, требовались деньги. Большую часть Капустин клал в банк на свой счёт, ну, а то, что оставалось, почти полностью уходило на оплату жилья, на питание и прочие расходы. Кроме обычных повседневных мелочей и одежды, в двух отдельных ящиках, стоящих сейчас на балконе, лежали ещё и их с Вероникой сценические костюмы, а также прочий необходимый для выступлений реквизит. Единственное, о чём теперь жалел Капустин, так это о том, что, собирая деньги на реализацию своей мечты, он так и не приобрёл себе машину. Сейчас автомобиль пригодился бы как никогда раньше.

Последней в сумку легла их с Вероникой фотография, обрамленная в красивую современную рамку. На ней они с довольными и счастливыми лицами были запечатлены на фоне сцены, на которой пять минут назад закончилось их очередное выступление. Перед тем, как положить фото поверх собранных вещей, Григорий Михайлович на несколько секунд задержал на нём свой взгляд.

— Прости меня, Ника, за то, что не послушал тебя тогда, — тихо произнёс он, вглядываясь в такое милое и такое близкое лицо.

Ещё через несколько секунд артист решительно вжикнул молнией, закрывая сумку, и ещё раз окинул взглядом комнату. Всё, что он собирался с собой унести, не составляло и десятой части от того, что приходилось здесь оставлять. Конечно, можно было заказать грузовое такси и загрузить в него всё своё имущество. Но, во-первых, поди сейчас найди это такси, а во-вторых, и это было самым важным на данный момент, тогда ему пришлось бы задержаться ещё как минимум на сутки. Такого Капустин себе позволить не мог. «Ну и чёрт с ними, — подумал он, — заберу, когда весь этот кошмар закончится. А пока всё, что будет нужно, я себе куплю. Денег на счету в банке скопилось достаточно. Сейчас главное — побыстрее убраться из этого города, чтобы не превратиться в…» Додумать до конца свою мысль Григорию Михайловичу помешал звонок в дверь. От неожиданности он вздрогнул. Его возбуждённый мозг и живое творческое воображение вмиг нарисовали образ ужасного зелёного кустарника, появившегося сегодня возле дома. Это коварное растение-монстр каким-то непостижимым образом поднялось на его лестничную площадку и теперь, вытянув свою длинную руку-лиану, со злорадной ухмылочкой нажимало на кнопку звонка. Каким образом растение могло ухмыляться, обычному человеку трудно было вообразить, но Григорий Михайлович смог.

— Кого ещё там принесло? — прошептал Капустин пересохшими губами, в который раз за сегодняшний день пыта-

ясь утихомирить взбесившееся в груди сердце.

За несколько месяцев до описываемых событий

— Как прошёл твой первый рабочий день? Чем занимался? — с иронической улыбкой на лице спросила Вероника, когда они вечером расположились за ресторанным столиком, чтобы поужинать.

— Ничего особенного, — нехотя отозвался Григорий, привычно беря из рук официанта меню.

— И всё же… — настаивала Самохина. — Мне же интересно знать, в чём теперь будет заключаться твоя работа и чем ты там будешь заниматься. Я ведь осталась не у дел, так хоть ты меня чем-нибудь развлеки. Кстати, сегодня звонил Бычков, интересовался: приедем ли мы в Краснодар в этом году?

— И что ты ему сказала?

— Сказала, что ещё не решили.

— Хорошо. Может, к лету я уже и освобожусь.

— Вы уже выбрали? — к ним вновь подошёл официант. Капустин сделал заказ и откинулся на спинку стула.

— Так я слушаю, — Вероника поставила локти на столик и, переплетя пальцы рук, положила на них свой подбородок.

— Я же говорю, ничего особенного не делал. Знакомился с оранжереей.

— И как она тебе?

— Большая.

— И это всё, что ты можешь о ней сказать? — не унималась Самохина. — Расскажи, что там интересного растёт?

— Нипентус растёт, — буркнул Григорий, умышленно исказив название растения. Ему и самому не по душе был тот выбор, который он сделал, и очень не хотелось возиться с каким-то там кустом вместо того, чтобы придумывать номера и выступать на сцене. Но признаваться в этом Самохиной у Капустина тоже не было никакого желания.

Вероника тут же достала из сумочки свой смартфон и открыла поисковик.

— Ты, наверное, хотел сказать: непентес? — спросила она через несколько секунд, вопросительно взглянув на собеседника и, не дожидаясь его ответа, продолжила, уже читая с экрана смартфона: — Непентес, или кувшиночник — род насекомоядных растений монотипного семейства Непентовые. Научное название рода взято из древнегреческой мифологии: оно образовано от названия легендарной травы забвения — непенф… Забавно, — улыбнулась Самохина, — и что он действительно ест насекомых?

— Да, наверное…

— И как же он это делает? Тебе, наверное, придётся всё время ходить с мухобойкой, чтобы его прокормить? — Вероника прыснула в кулачок, чем заслужила укоризненный взгляд от Григория.

— Ника, не говори чушь. Если тебя интересует непентес,

то почитай в интернете. Там всё есть, — Капустин многозначительно кивнул на смартфон, который его собеседница уже положила на стол.

— Но мне же интересно услышать, так сказать, из первых уст.

— Во-первых, он ещё маленький, а во-вторых, я пока что и сам толком ничего не понял…

— Ну, а кроме этого непентеса ещё чего-нибудь интересного там есть?

— Ну, конечно, есть, — немного резковато ответил Капустин, но спохватившись, тут же добавил. — Ника, извини, ну, честно, сейчас нет настроения это обсуждать, и голова сильно болит.

Промаявшись весь день в оранжерее и слушая неиссякаемые рассказы садовника об особенностях произрастающих в ней растений, у артиста действительно разболелась голова. К концу дня у него от множества неизвестных названий и изобилия информации, которой садовник щедро делился со своим новым напарником, произошёл «заворот мозгов», как охарактеризовал своё состояние сам Капустин. Понимая, что всё это теперь будет происходить ежедневно, он вновь задумался о правильности сделанного им выбора. Конечно, оранжерея была в своём роде уникальна, а разнообразие флоры представленной в ней, поражало человеческое воображение. Но всё это было не его и было ему чуждо. Григорий никогда в жизни не интересовался ботаникой и теперь с трудом пре-

одолевал свою инертность, чтобы хоть что-то понять и вникнуть в суть слов Леонтьевича. Единственное, что удержало его от того, чтобы пойти к Сапрыкину и отказаться от предложенной работы — это высокий гонорар, обещанный за эту необременительную работу. Да и, как ни крути, а договор он ведь уже подписал.

— Ладно… — Поняв, что сейчас от сожителя ничего не добьётся, Вероника нехотя приступила к уже принесённому ужину. — Кстати, я нашла неплохую квартирку, — сказала она, управившись с салатом. И перед тем, как пригубить кофе, добавила: — И, судя по тому адресу, который ты мне показывал, она расположена не так далеко от того места, где проживает твой Сапрыкин.

— Он такой же мой, как и твой, — недовольно буркнул Капустин, а потом умоляюще добавил: — Ты, уж, пожалуйста, займись нашим переездом сама. Мне теперь ежедневно нужно появляться в оранжерее на весь день.

— Что, и даже по выходным? — вздёрнула брови Самохина.

— На выходные договорились, что я буду приходить только утром на полчаса.

— Понятно. Даже в выходной не поспишь подольше…

— Издержки моей новой работы, — пожал плечами Григорий. — Некоторое время придётся с этим мириться…

— Ну, а что насчёт обеда? — Вопрос был задан Вероникой не из простого любопытства. Зная о пристрастии своего

спутника жизни к вкусной еде, она понимала важность того, где и как он будет питаться. — Хотя бы на обед ты домой будешь приходить?

— Не знаю, для чего ему это нужно, но, согласно контракту, я должен весь день торчать в оранжерее. Придётся обед брать с собой.

— А холодильник у тебя там есть?

— У Леонтича есть.

— Хорошо, тогда я что-нибудь придумаю.

На следующий день Капустин вновь прибыл по уже знакомому адресу к девяти часам. Садовник к этому времени уже был в оранжерее и занимался своими повседневными делами. Мужчины поздоровались, как старые друзья. Спросив разрешения у Мельникова положить в его холодильник тормозок, приготовленный Вероникой, Григорий заглянул в закуток садовника, после чего направился в своё помещение, чтобы снять верхнюю одежду. Не успел он раздеться, как дверь открылась, и на пороге появился Сапрыкин.

— Доброе утро, — поздоровался он с артистом, но, как и прежде, руки не подал.

— Доброе утро, — без настроения ответил Капустин.

— Вижу, что у тебя настроение неважное, — обратил внимание на его состояние хозяин оранжереи. Он немного подождал, что-то обдумывая, а потом продолжил уже более строгим тоном. — В дальнейшем постарайся все свои негативные эмоции оставлять за пределами оранжереи. Как я уже го-

ворил, растения очень чувствительны к любым эмоциональным всплескам людей, находящихся рядом с ними. И мне не нужно, чтобы твои проблемы хоть как-то отразились на их здоровье. Это тебе понятно?

— Да, вполне…

— Тогда давай определимся уже более конкретно, что именно мне от тебя нужно. — Евгений Иванович присел на один из стульев и, дождавшись, когда его собеседник усядется на свой стул, продолжил: — Как я уже говорил, ты будешь работать только и исключительно с Нэпом. Меня не очень интересует, чтобы он отличался от своих сородичей внешним видом, хотя, в принципе, допускаю такую возможность. А вот что именно для меня важно, так это, так сказать, его внутреннее содержание. — Заметив непонимание в глазах собеседника, Сапрыкин пояснил: — Как ты знаешь, Нэп — это хищник. Так вот именно эти его качества я хочу, чтобы ты усилил или же добавил новые.

— Это как? — всё ещё не понимал Капустин.

— Как я уже говорил, — терпеливо продолжил пояснять Евгений Иванович, — Раджа — самый крупный из всех непентесов, существующих в мире. Леонтич приложит все силы и старания, чтобы он достиг максимального размера. Ну, а ты своим экстрасенсорным воздействием сделаешь из него настоящее чудовище, невиданного монстра. Каждый, кто будет к нему приближаться, должен будет трепетать от необъяснимого подсознательного ужаса, исходя-

щего от Нэпа. Вот, что ты должен из него сделать, а точнее, что ты должен будешь ему внушить, — вдохновенно закончил Сапрыкин.

Григорий хотел было поинтересоваться, зачем всё это ему нужно, но, подняв глаза на собеседника, благоразумно промолчал. В отрешённом, маниакальном взгляде хозяина оранжереи, устремлённом куда-то вдаль, он увидел пылающий огонь безумца. На некоторое время лицо Сапрыкина вдруг преобразилось: морщинки разгладились, щёки вспыхнули румянцем, подбородок гордо поднялся вверх, а губы расплылись в мечтательной улыбке, обнажив ряд белых зубов. Такое преображение длилось всего несколько секунд, но этого времени чувствительной натуре Капустина было вполне достаточно, чтобы по его спине пробежала мелкая дрожь. «Чёрт, куда это я попал?!» — воскликнул он про себя, быстро отводя взгляд в сторону и стараясь не показать своего замешательства. Когда же он вновь посмотрел на Евгения Ивановича, то снова увидел перед собой обычного делового человека с серьёзным лицом. Если бы не внутреннее чувство, которое у артиста никогда не ослабевало, то он бы, возможно, подумал, что всё ему сейчас просто показалось. Однако жизненный опыт Капустина говорил ему о том, что именно в эти несколько мгновений Сапрыкин показал своё истинное лицо и свою истинную сущность.

— Надеюсь, я доходчиво объяснил тебе твою задачу, — уже вполне обыденно произнёс хозяин оранжереи. — Здесь,

— он указал на полку с книгами и брошюрами, — подобрана вся имеющаяся в наличии литература по растениям-хищникам, и по непентесам в частности. Так же есть выдержки из научных трудов, в которых описаны опыты, проводимые с растениями в разные годы. Возможно, что-нибудь из этого тебе пригодится в работе с Нэпом. Думаю, что на первых порах тебе достаточно будет работать с ним по два раза в день: утром и вечером. Чуть позже решим, стоит ли увеличить время и количество сеансов. Оставшееся время тебе даётся на изучение собранных здесь материалов, а также того, что сможешь отыскать в интернете. Чтобы понимать, каким образом взаимодействовать с растением и что именно нужно с ним делать, тебе придётся серьёзно поработать, перелопатив горы информации. И обрати внимание, я тебе ещё буду платить за то, что ты будешь обучаться. — С едва заметной скептической улыбкой на губах, Евгений Иванович замолчал, давая подчинённому переварить то, что тот услышал. Выждав некоторое время, он начальственным тоном закончил свою речь: — Сегодня начинай знакомиться с Нэпом поближе. Поговори с ним, например, расскажи о себе… В общем, веди себя с ним, как с разумным существом. Я не буду больше давать тебе никаких указаний и вмешиваться в творческий процесс. Но ты каждый день после работы обязан докладывать мне обо всём, что ты делал в течение дня и как проходит преобразование нашего подопечного.

Когда Сапрыкин удалился, Капустин ещё несколько ми-

нут молча смотрел на дверь, за которой временно обосновался Непентес Раджа — таинственный обитатель джунглей. В голове роились всевозможные мысли, но все они были далеки от того, о чём только что говорил хозяин оранжереи. Перед глазами артиста пробегали картины из его выступлений: его триумфы и неудачи, ошибки и прозрения… Потрусив головой, чтобы сбросить с себя все эти воспоминания, навевающие грусть, Григорий, наконец, встал и вошёл в комнату с непентесом.

— Ну, привет, — робко, словно стесняясь своего голоса, произнёс он. — Как поживаешь?

Никогда в жизни Капустину не приходилось общаться с растениями, поэтому в голову ничего другого в данный момент не пришло. В данный момент ему пришлось примирять в своей душе две сущности. Консерватор, атеист и прагматик, занимавшие лидирующее положение всю его сознательную жизнь, как обычно пытались заглушить другую — слабую и нерешительную сущность романтика и утописта, всегда подававшую лишь тихий и слабый голосок.

Взяв табурет, стоящий у стены, артист поставил его поближе к растению и присел. Минут пять Капустин потратил на созерцание листьев непентеса и необычных крючков на их кончиках. Как ему вчера поведал садовник, из этих самых крючков в скором времени вырастут кувшинчики. Они-то и служат для растения своеобразными ловушками. По внутреннему краю кувшинчиков выделяется сладкая и аромат-

ная жидкость — нектар, привлекающий разного вида насекомых. Он содержит органические кислоты и ферменты для переваривания попавшей внутрь добычи. Стекая вниз, нектар скапливается на дне кувшина. Когда соблазнённое его запахом насекомое попадает внутрь, оно увязает в этой жидкости, и растение начинает его медленно переваривать. Как сказал Игнат Леонтьевич, непентес — это лиана, и такие крупные виды, как Раджа, имеют кувшины, достигающие полуметра в длину. Они способны переварить не только всякую мелочь, но даже мелких животных, например, мышей. Сейчас, глядя на этот маленький кустик, Капустину было трудно в это поверить.

— В общем, дружок, тут такое дело, — всё ещё неуверенно продолжил беседу с питомцем Григорий. «В психушке меня уже заждались», — скептически хмыкнул про себя Капустин, живо представив мужчину средних лет, разговаривающего с растением. Однако, преодолев себя и свой скептицизм, он продолжил: — Нам нужно с тобой подружиться, потому что иначе нельзя. Нам ведь теперь с тобой придётся встречаться очень часто. Для начала давай познакомимся. Меня зовут Гриша, а тебя, соответственно, Нэп. Так, что, как говорится: очень приятно…

Начав беседу робко и нерешительно, Капустин постепенно вошёл во вкус и не заметил, как за разговором прошло пять минут, а затем ещё десять. Он поведал Нэпу о своей бывшей работе, о своих отношениях с Вероникой… Расте-

ние оказалось хорошим слушателем. Оно не спорило, не перебивало рассказчика, не задавало неудобных вопросов, а главное — оно не насмехалось над ним, как мог бы это сделать человек. Прервал свой монолог Григорий лишь тогда, когда услышал за спиной голос садовника.

— Интересно рассказываешь, даже я заслушался, — улыбнулся тот.

От неожиданности Капустин вздрогнул и резко обернулся назад.

— Подслушиваешь? — не очень дружелюбно произнёс он.

— Боже упаси… Я просто зашёл пригласить тебя на чай.

— На чай? — уже более спокойно спросил Григорий.

— Ну…

— Ладно, пойдем. — Артист встал, расправил плечи и, ещё раз взглянув на своего молчаливого собеседника, сказал: — Ну что, дружище, расти большой, не будь лапшой. — Он улыбнулся, припомнив мамину поговорку, которую часто слышал в детстве, и вышел вслед за Мельниковым.

4

Июль 2019 года

— Что за дичь лезет тебе в голову? — одёрнул себя Капустин, стоя посреди комнаты. — Где ты видел, чтобы растения разгуливали по лестничной клетке? Разве что в кино… Чтобы привести себя в нормальное состояние, Григорий сделал

выдох и на несколько секунд задержал дыхание.

Дождавшись, когда сердце и ум немного успокоятся, он ещё раз глубоко вздохнул и, подняв с пола плотно набитую вещами сумку, направился в прихожую. «Нервы уже ни к чёрту», — подумал артист, подходя к входной двери. Благодаря своим способностям, а главное тому, что утихомирил возбуждённое воображение, Капустин теперь точно смог определить, кто именно стоит на лестничной площадке за его дверью. И это был вовсе не тот злобный монстр, которого он создал в своей голове ещё минуту назад. Не посмотрев в глазок, мужчина повернул защелку и открыл дверь. Он не ошибся. Перед ним в светлом сарафане стояла пенсионерка-соседка, с которой дружила Вероника. Это была невысокая худая женщина лет семидесяти, которую артист не раз заставал у себя дома, приходя с работы. Григорий хорошо запомнил эту спокойную и всегда аккуратную старушку, но сейчас перед ним предстала совсем иная картина.

Рыжие, обычно ухоженные волосы пожилой женщины, теперь с неестественно зеленоватым оттенком, были небрежно собраны на макушке в какой-то замысловатый узел. В её некогда живом и добродушном, а ныне поблёкшем взгляде, в усеянных морщинами глазах, не отражалось никаких эмоций. В тонких пальцах, открытых до самых плеч рук, с выступающими сквозь прозрачную кожу крупными зеленовато-серыми венами, старушка держала большой носовой платок. Она то и дело промакивала им выступающие на глазах слё-

зы. После того как Капустин открыл перед ней свою дверь, пожилая женщина ещё некоторое время стояла молча, словно позабыв, зачем пришла, а затем на её безразличном лице появилось что-то, похожее на удивление.

— Григорий Михайлович, вы куда-то уезжаете? — вместо обычного приветствия спросила она, опустив взгляд на сумку в руке соседа.

— Да, Татьяна Васильевна, — недовольно буркнул Капустин, мысленно укоряя старушку за её несвоевременный визит. — А вы что-то хотели?

— Да… — неуверенно ответила соседка. — Я хотела… Скажите, а как здоровье Верочки?

«Тебе бы о своём здоровье подумать», — пробурчал про себя Григорий Михайлович, мельком взглянув на зеленоватые морщины на лбу пожилой женщины, которые в сумраке подъезда стали видны особенно контрастно. Вслух же он сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.